

Стивен Бене

Кровь мучеников

Перевод с английского
Виктора Гольшева

ФТМ

Стивен Бене
Кровь мучеников

«ФТМ»

Бене С. В.

Кровь мучеников / С. В. Бене — «ФТМ»,

«Человек, ожидавший расстрела, лежал с открытыми глазами и смотрел в левый верхний угол камеры. Последний раз его били довольно давно, и теперь за ним могли прийти когда угодно. В углу под потолком было желтое пятно; сперва оно ему нравилось, потом перестало; а теперь вот опять начало нравиться. В очках он видел его яснее, но очки он надевал только по особым случаям: с утра, проснувшись; когда приносили еду; для бесед с генералом. Несколько месяцев назад во время одного избиения линзы треснули и подолгу носить очки он не мог – уставали глаза. К счастью, в его нынешней жизни ясное зрение требовалось редко. Тем не менее поломка очков беспокоила его, как беспокоит всех близоруких. Проснувшись утром, ты надеваешь очки, и все в мире становится на место; если этого не происходит, с миром что-то неладно...»

© Бене С. В.

© ФТМ

Стивен Винсент Бене

Кровь мучеников

Человек, ожидавший расстрела, лежал с открытыми глазами и смотрел в левый верхний угол камеры. Последний раз его били довольно давно, и теперь за ним могли прийти когда угодно. В углу под потолком было желтое пятно; сперва оно ему нравилось, потом перестало; а теперь вот опять начало нравиться.

В очках он видел его яснее, но очки он надевал только по особым случаям: с утра, проснувшись; когда приносили еду; для бесед с генералом. Несколько месяцев назад во время одного избиения линзы треснули и подолгу носить очки он не мог – уставали глаза. К счастью, в его нынешней жизни ясное зрение требовалось редко. Тем не менее поломка очков беспокоила его, как беспокоит всех близоруких. Проснувшись утром, ты надеваешь очки, и все в мире становится на место; если этого не происходит, с миром что-то неладно.

Заключенный не особенно доверял символам, но самый страшный его кошмар стал неотступным: вдруг ни с того ни с сего от линзы отваливается большой осколок, и он ошущью ищет его по всей камере. Шарит в темноте часами, тщательно и осторожно, но кончается всегда одним и тем же – тихим внятным хрустом незаменимого стекла под каблуком или коленом. Он просыпался в поту, с ледяными руками. Этот сон чередовался с другим, где его расстреливали, но большого облегчения от такой перемены он не испытывал.

Видно было, что у лежащего умная голова, голова мыслителя или ученого – старая, лысая, с высоким куполом лба. Голова, вообще говоря, была весьма известная: она часто появлялась в газетах и журналах, нередко даже напечатанных на языке, которым профессор Мальциус не владел. Тело, согнутое и изношенное, было все еще жилистым крестьянским телом, способным долго выносить грубое обращение; тюремщики его в этом убедились. Зубов у него стало меньше, чем до тюрьмы, колено и ребра срослись неудачно, но это было не так уж важно. Кроме того, он подозревал, что у него плохо с кровью. Тем не менее, если бы он вышел на волю и лег в хорошую больницу, его бы, наверно, хватило еще лет на десять работы. Но на волю он, конечно, не выйдет. Его расстреляют до этого, и все будет кончено.

Иногда его охватывало сильное желание, чтобы все кончилось – сегодня, сию минуту; а иногда он дрожал от слепого страха перед смертью. Со страхом он боролся так же, как боролся бы с приступом малярии – понимая, что это только приступ, – но не всегда успешно. Он должен был справляться с этим лучше большинства людей, ведь он – Грегор Мальциус, ученый; но это не всегда удавалось. Страх смерти не отпускает, даже когда его квалифицируешь как чисто физическую реакцию. Выйдя отсюда, он мог бы написать весьма содержательную статью о страхе смерти. Да и здесь смог бы, если бы дали письменные принадлежности; но просить об этом бесполезно. Один раз их дали, и он провел два дня вполне счастливо. А потом работу разорвали у него на глазах и оплевали. Выходка, конечно, ребяческая, но охоту работать отбивает.

Странно, что он ни разу не видел, как стреляют в человека, – и тем не менее он этого не видел. Во время войны научные заслуги и плохое зрение избавили его от фронта. Когда их запасной батальон охранял железнодорожный мост, он два раза попадал под бомбежку – но это совсем другое дело. Ты не прикован к своей позиции, и самолеты не пытаются убить тебя лично. Где этим занимаются в тюрьме, он, конечно, знал. Но заключенные не видят расстрелов – только слышат, если ветер с той стороны. Снова и снова пробовал он вообразить, как это будет, но перед глазами вставала старинная гравюра, виденная в детстве, – казнь американского флибустьера Уильяма Уокера в Гондурасе. Уильям Уокер был бледный низкорослый человек с наполеоновским лицом. Очень корректно одетый, он стоял перед свежерытой могилой, а перед ним в неровном строю туземцы поднимали свои мушкеты. Когда

его застрелят, он аккуратно упадет в могилу, как человек, провалившийся в люк; опрятность процедуры произвела большое впечатление на мальчика Грегора Мальциуса. За стеной виднелись пальмы, а где-то справа – теплое синее Карибское море. Его будут расстреливать совсем не так; и однако, когда он думал об этом, картина ему рисовалась именно такая.

Ну что ж, он сам виноват. Он мог принять новый режим; так поступали и вполне уважаемые люди. Он мог бежать из страны; многие достойные люди так поступили. Ученый должен заниматься вечным, а не преходящими политическими явлениями; ученый может жить где угодно. Но тридцать лет в университете – это тридцать лет, а он как-никак – профессор Мальциус, один из лучших биохимиков в мире. До последней минуты он верил, что его не тронут. Да, он ошибся.

Истина, конечно, – это истина. Ты передаешь ее другим или не передаешь. Если не передаешь, то, в общем, неважно, чем ты занимаешься. Однако ни с каким правительством он не ссорился; он готов был вывешивать флаг по вторникам – лишь бы к нему не приставали. Большинство людей дураки, для них годится любое правительство... им двадцать лет понадобилось, чтобы принять его теорию клеточных мутаций. Вот если бы он был таким, как его друг Боннар – подписывал протесты, присутствовал на митингах в защиту мира и вообще валял дурака при народе, – тогда у них были бы основания для недовольства. Великолепный специалист в своей области Боннар, лучше его нет, но вне ее – сколько неприличного актерства... и эта бородка, и румяные щеки, и приливы энтузиазма по всякому поводу! Такого, как Боннар, любое правительство могло бы посадить в тюрьму, хотя для науки это потеря, а потому неправильно. Собственно говоря, угрюмо размышлял он, Боннар с удовольствием стал бы мучеником. Он изящно прошествует к месту казни с одолженной сигаретой в зубах и угостит их напоследок какой-нибудь театральной остротой. Но у себя на родине Боннар в безопасности... несомненно, пишет благородные горячие статьи о Судьбе Профессора Мальциуса – а его, Мальциуса, ожидает расстрел. Он бы тоже хотел выкурить сигарету по дороге на казнь; он не курил пять месяцев. Но у них он просить не собирался, а самим предложить им в голову не придет. Вот в чем разница между ним и Боннаром.

Он затосковал по своей душной лаборатории и еще более душному лекционному залу в университете; ногам его захотелось ощутить под собой стертые ступени, по которым он поднимался десять тысяч раз, глазам – заглянуть сквозь верный окуляр во вселенную, недоступную простому глазу. Его звали Медведем и Старой Колючкой, но все, даже лучшие из них, дрались за то, чтобы работать под его началом. Говорили, что он Страшный суд объяснит через клеточные явления; но на лекциях у него яблоку было негде упасть. Это Вильяме, англичанин, выдумал легенду, будто он всегда носит в своем потрепанном портфеле шоколадный эклер и непристойные открытки. Совершенная нелепость, разумеется, – от шоколада ему всегда становилось плохо, а на непристойную открытку он ни разу в жизни даже не взглянул. И Вильяме никогда не узнает, что он тоже знал про эту легенду: Вильяме давно убит на фронте. На миг профессор Мальциус ощутил слепую ненависть оттого, что такая великолепная научная машина, как Вильяме, уничтожена на войне. Но слепая ненависть – неподобающее чувство для ученого, и он отбросил ее.

Он опять угрюмо улыбнулся; его учеников разложить не удалось – недаром он все-таки Медведь! Он видел, как одного коллегу освистала и согнала с кафедры шайка фанатичных молодых хулиганов, – жаль, конечно, но если У себя в аудитории не умеешь навести порядок, очисти место. Лабораторию его они разгромили – но в его отсутствие.

До чего глупо, до чего бессмысленно. «Объясните ради бога, – рассудительно сказал он неизвестно кому, – ну какой из меня заговорщик? В моем возрасте, при моих склонностях! Меня интересует жизнь клетки!» А его бьют за то, что он не хочет рассказывать о своих учениках. Как будто он только и знал, что прислушивался к этому вздору. Были какие-то пароли, приветствия – входя в ресторан, ты насвистывал определенный мотивчик; суще-

ствовал адрес фирмы, якобы занимавшейся пылесосами. Но эти сведения не принадлежат ему лично. Они – достояние молодых людей, веривших Медведю. Смысла их он в половине случаев не знал; а однажды он пришел на собрание – и чувствовал себя глупо. Глупость и ребячество – ребяческие игры в заговор, совершенно во вкусе таких, как Боннар! А могут они построить хотя бы лучший мир, чем сегодня? Он глубоко в этом сомневался. Но предать их нельзя; они пришли к нему, оглядываясь через плечо, и темнота была в их глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.